

Василий БЕЛОВ:

В Е Р Ю ВО ВДОХНОВЕНЬЕ

Если от Вологды, где живет Василий Белов, двинуться дальше на север — поездом, автобусом, пешком, — окажешься в местах, неожиданно знакомых. А знакомы они по книгам писателя. Здесь появлялись на свет, выросли, любили, работали, радовались и горевали герои «Деревни Бердяйки», «Привычного дела», «Плотницких рассказов» и других книг.

Здесь, в деревне Тимонихе, родился сам Белов. Рос и вырос в трудные годы, потерял на войне отца. После окончания школы ФЗО сменил несколько рабочих профессий, работал на уральском заводе. Вернулся на Вологодчину, сотрудничал в районной газете, был секретарем райкома комсомола. Множились встречи с людьми, углублялось знание жизни, крепло желание писать. Белов поступает в Литературный институт, пробует свои силы в поэзии, в прозе. Первая книга стихов — «Деревенка моя лесная» (1961 год). Первая повесть — «Деревня Бердяйка»...

«Мы забивали досками дома осиротелые, мякину ели жесткую, страдали мы, сидели мы», — писал Белов. Может быть, оттуда, из опаленного войной горького детства, пришло к писателю глубокое сострадание к людям, умение радоваться вместе с ними и с ними скорбеть. Уже первые повести и рассказы Белова свидетельствовали о том, что в литературу пришел автор, не только знающий жизнь, о которой пишет, но и умеющий рассказать о ней талантливо, ярко, по-своему, передать читателю свое отношение к ней.

В этих рассказах были привычные приметы деревни: сенокосы, частушки, закаты и грозы, разговоры умудренных опытом стариков, шалости непоседливых детей. На основе этого, казалось бы, привычного «деревенского набора» рождалась удивительная беловская проза. Мудрая и лукавая, пронзительно-чистая, словно омытая частыми над вологодской землей дождями.

А затем появилось «Привычное дело» — произведение, давшее критику пищу для размышлений на многие годы вперед и поставившее, на мой взгляд, фактом своего рождения трудную задачу перед самим автором: Белов в этой повести взял такую высоту, на которой нелегко удержаться. Однако ему удалось.

В жизни, в общении Василий Белов — человек очень скромный и немногословный. Скупо, не торопясь, словно проверяя каждое слово на прочность, рассказывает писатель о своей работе, о том, что его волнует сегодня.

— Сейчас меня волнуют нравственные проблемы. Мы достигли сплошной грамотности, непрерывно растут социальная обесцененность, информированность... Но в то же время бывают и «ножницы» между всеми этими атрибутами и духовным примитивизмом, отсутствием нравственного критерия. Многие люди всерьез думают, что культура — это количество знаний. На мой взгляд, культура — это прежде всего высокая нравственность. К сожалению, приходится сталкиваться с потребительством, инфантилизмом, нравственной незрелостью. Я не говорю о крайних случаях ее проявления. Но и в быденных отношениях между мужчиной и женщиной, в любви, браке, семье разве мало нравственных проблем? Меня беспокоит легкомысленное, поверхностное отношение части молодежи к любви и браку. В любви вообще, по-моему, очень ярко проявляется сущность человека. Я глубоко убежден, что настоящая любовь посещает только хороших людей. Да и то далеко не каждого... У людей же мелких, эгоистичных, нравственно невысоких и любовь точно такая же. Причем, как мне думается, тут не должно быть скидок на молодость или неопытность: нравственные начала проявляются в человеке очень рано. Должны проявляться, по крайней мере. Но приходится сталкиваться с примерами удивительной эмоциональной незрелости. Во время диспута девушка-десятиклассница вполне серьезно пишет записку: «Скажите, можно ли полюбить сразу двоих?» И это в том возрасте, который приближается к возрасту Татьяны Лариной!

Возрастают нравственные требования, которые мы предъявляем друг другу, возникают и новые проблемы. Как-то меня попросили прокомментировать на страницах газеты «Вологодский комсомолец» письмо, пришедшее по ходу дискуссии о взаимоотношениях мужчины и женщины, о любви, браке, семье... Одна учительница из Вологды писала, что с современными мужчинами, особенно с молодыми, трудно: они почти полностью лишены ответственности и чувства ответственности. С ними, мол, приходится нянчиться, цадить их слабости, подкалывать, жалеть, уговаривать... К сожалению, эта характеристика отнюдь не лишена меткости и справедливости. Но ведь с таким же успехом, но уже от имени мужчин, можно заявить: современные женщины порой бывают лишены очарования, женственности...

Один французский философ пошутил, что цивилизация погибнет, если мужчины станут похожими на женщин, а женщины на мужчин. Не думаю, что нам это угрожает, но поразмышлять тут есть над чем. В прошлом году в «Современнике» вышел мой сборник прозы «Воспитание по доктору Споку». В нем — повести и рассказы, где так или иначе затрагиваются нравственные проблемы.

Этот сборник — не совсем обычная для Василия Белова книга. За исключением «Плотницких рассказов», все остальные произведения в сборнике написаны на городском материале. Белов здесь более полемичен, публицистичен, чем в своих «деревенских» повестях.

Писатель, создавший в «Привычном деле» образ прекрасной русской женщины Катерины, воспевший во

многих своих произведениях доброту, нежность, трудолюбие женщины, в новом сборнике показывает нам совсем других представительниц прекрасного пола — мелких, эгоистичных, неспособных к настоящей любви и состраданию. Общеизвестная черта таланта писателя — снисходительная доброта — вытесняется здесь стыдом, горечью, гневом.

— Литература, — говорит Белов, — не может, мне думается, повлиять на общество в той мере, в какой бы нам хотелось. Не может хотя бы по той причине, что далеко не все читают книги. Ряд знакомых мне людей книг не читает. Они занимаются своим делом — строят, проектируют, делают это хорошо, умело, но книг не читают.

Мы накопили огромные духовные ценности, и эти ценности доступны каждому — протяни только руку к книжной полке. Кажется, прочтут все Толстого — и все будет в порядке. Но ценности лежат на полке неосвоенными, а нравственные проблемы остаются...

В последние годы писатель много работал для театра и кино. В разных театрах страны идут его пьесы, а недавно на экраны вышел фильм «Целуются зори».

— Почему я работал для кино, продолжаю работать для театра, хотя это отнимает время, выматывает душу? Мне было интересно испытать себя в других жанрах. Кроме того, неприятно, когда на тебя наклеивают ярлык «деревенщик» и считают, что за границей этого понятия тебе выходить не положено.

Мой опыт работы в кино считаю неудачным. Я, наверное, был наивным человеком, когда прочитал статью, упрекающую писателей в нежелании работать в кино, и решил, что меня там ждут... Написал сценарий комедии, показал его Василию Макаровичу Шукшину — это было года за три до его смерти. Шукшину сценарий понравился, он понес его на Студию имени Горького. Там сценарий все хвалили. И пролежал он у них целый год. Потом путешествовал по всем студиям... Наконец мне это надоело. На основе сценария я написал повесть и опубликовал ее в журнале «Аврора». Тут работники кино опять заинтересовались этой работой... Начались съемки. Я старался не упускать из виду ни один из этапов работы, то и дело ездил на студию. К сожалению, за всем не удалось усмотреть. Вдруг появилась в фильме голос от автора, ненужная концовка, не попал в картину уже снятый эпизод зрелища Егорыча на слете... Некоторые критики, знакомые с литературной основой, отметили

после выхода фильма, что отсутствие этого эпизода ослабило картину.

А доволен ли писатель своей работой для театра? Пьеса «Над светлой водой» шла в пятнадцати театрах страны, в том числе в Малом в Москве, удачно начался сценический путь «Сцен из районной жизни»...

— Работа для театра меня очень интересует, — отвечает Белов. — Здесь у меня есть какой-то опыт, есть интересные планы. Сейчас я закончил сказку «Бессмертный Кошечей» — новая для меня работа, написана пятистопным ямбом. Есть еще пьеса-притча, никому, кроме друзей, ее не показывал...

Конечно, и в театре есть свои сложности и свои проблемы. Сейчас театр заполонила проза. Как прозаик я должен был бы радоваться этому. По-моему, это не очень хорошо. Театру нужно вернуть драматургию. Другая болезнь сегодняшнего театра — режиссерское своеволие. Особенно достается тем, кто себя уже не может защитить. — Я имею в виду классиков. Чехова, например, всего перевернули, делают с ним все что угодно, тракуют и так, и эдак. Жесткий режиссерский диктат, культ режиссера в театре не способствуют, на мой взгляд, и актерскому мастерству.

Над чем бы ни работал Белов — над пьесой, сценарием, повестью или статьей в газету, в основе всего лежит то особенное беловское слово, которое рождается здесь, в кабинете, где мы беседуем, за просторным письменным столом. Я прошу писателя рассказать о том, как он работает.

— Я знаю, что есть писатели, которые могут работать ежедневно, причем в определенные часы. Я так не могу. Девиз «ни дня без строчки» не для меня. Я верю во вдохновение.

Если я работаю, я должен этому полностью отдаться, не могу уже отвлекаться ни на что другое. Поэтому и хочется иногда затеряться, не быть на виду. Поездки, выступления, встречи в такую пору — все это отнимает время. С другой стороны, поездки тоже необходимы.

Радуюсь, когда узнаю, что кто-то написал то, что считал своим долгом написать я. Такое счастье испытываешь: словно кто-то снял тяжесть с твоих плеч.

Вот Федор Александрович Абрамов много написал такого, о чем хотел написать и я. Мы с ним встречаемся редко, но постоянно чувствуем друг друга. Многие дорожки мне в локальном Шукшине. Радостным было для меня появление «Прощания с Матерой» Распутина — уже не нужно повторяться, можно писать что-то другое. Мы как бы высвобождаем друг друга. То, что скажет Лихоносов с его тонким пониманием духовности, тоже не нужно повторять.

Я слушаю Белова и вспоминаю героев его прежних книг. Ивана Африкановича Дрынова из «Привычного дела», солдата и труженника, нежного мужа и отца — и в то же время безалаберного мужика, отчаянного выпивохи. Деревенского философа Смолина из «Плотницких рассказов». Язывительного, подмечающего, все недостатки Кузьму Баравостова из «Бухтин Вологодских». Запутавшегося в своей семейной жизни, но не потерявшего внутренней опоры Константина Зорина из городского цикла повестей. Все они прочно корнями своими связаны с нещедрой на тепло вологодской землей, с ее лесами и шапнами, с зарослями черемухи и дикой малины, с островными стоками сена, с неяркими родниками, хранящими холодную воду. Те же корни, наверное, дают силу мощному таланту Василия Белова, та же живая вода питает его творчество.

— В других городах больше пяти дней не выдерживаю, — говорит писатель. — Тянет в Вологду. Здесь родина. Когда хочу, могу отсюда в деревню поехать. Там все живое: воздух, вода, лес...

Окунемся еще в один беловский рассказ — «За тремя волоками», где с особой, пронзительной силой передано ощущение родины.

«Он думал, что, по правде говоря, заботы, и труд, и все, что он делал, имело смысл постольку, поскольку где-то была эта родимая маленькая деревня. И сейчас знал, что жил и рисковал иногда жизнью из-за нее, ради этой родины, ради ее людей, и все, что было с ним до этого, наполнилось теперь новым смыслом...»

А. ЮРИКОВ.

ВОЛОГДА

● Писатель Василий Белов.

Фото Н. Кочнева.